

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ И ПРАКТИКА РАЙОНИРОВАНИЯ

И.И. Митин

НА ПУТИ К РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ: ОПЫТ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ГЕОГРАФОВ XX ВЕКА

В статье приводится обзор теоретических подходов к комплексным географическим характеристикам (региональным описаниям) в англо-американской географии 1930–1990-х гг. Рассматривается общая эволюция представлений об описании территории и, в особенности, культурно-географический подход к ним. Обосновано особое место гуманистической парадигмы в становлении теоретических основ региональной культурной географии с выделением ряда ключевых концепций (гуманистическое описание, нарративно-описательный подход, место как палимпсест).

The article analyses the main theoretical approaches towards regional descriptions ('complex geographical descriptions') in Anglo-American geography in 1930–1990s. The main tendencies in the descriptions theory are revealed with the emphasis put on the cultural geography approach. Special place is given to humanistic geography, and several its concepts (humanistic descriptions, narrative-descriptive approach, place as palimpsest) described as main theoretical framework for regional cultural geography.

Ключевые слова: региональная культурная география, гуманистическое описание, нарративно-описательный подход, место как палимпсест.

Key words: regional cultural geography, humanistic descriptions, narrative-descriptive approach, place as palimpsest.

Культурная география как одна из географических наук формально сформировалась как самостоятельная субдисциплина сравнительно поздно, однако исторические корни географии как науки в целом тесно связаны именно с теми темами, которые, по нынешним меркам, стоило бы отнести "к ведомству" как раз культурной географии. Нечто похожее

можно сказать и о региональной географии, или, в российской традиции, о страноведении.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть англо-американский опыт "симбиоза" этих двух совершенно особенных для географии субдисциплин. Как теория географических характеристик ("региональных описаний") в конечном итоге пришла к культурно-

географическому подходу? Как в культурной географии был поднят вопрос о статусе характеристики места и, соответственно, региональной культурной географии?¹

От географии к искусству

Исходные предпосылки развития теории комплексных географических характеристик ("региональных описаний" в англо-американской академической традиции) в 1940–1970-е гг. были схожими с советскими. Существование двух полярных подходов к комплексности в географических описаниях, известных как "*описание*" и "*характеристика*" по Н.Н. Баранскому [2]², активно обсуждалось.

Ряд работ был посвящен анализу взаимодействия двух подходов, возможности их сочетания [18; 24; 44]. При повторении общей склонности в пользу характеристики, в отличие от отечественной географии, приоритет этот был не столь явен: по-прежнему сильна была и позиция в пользу описания [10].

Тем не менее, в 1940–1960-е гг. тенденции модернизации теории региональных описаний в зарубежной географии очень напоминали отечественные. При идеологической декларации принципов создания характеристики наблюдалась склонность к постепенному "*уходу*" от задачи выявления своеобразия места в его *целостности* к *частным* аналитическим задачам.

Так, Х. Дарби в фундаментальной статье "Проблемы географического описания" называет создание географических характеристик важной задачей географии [17, р. 1], подмечает неизбежную субъективность целостной комплексной географической характеристики [17, р. 4], апеллируя к известным исследованиям Д. Лоуэнталя [34]; однако, при этом Х. Дарби отмечает, что удачных примеров регионально-синтеза мало, эта сложная задача едва ли решается успешно [17, р. 2], и предлагает *от-*

личать региональный синтез и *искусство* отбирать главное в общей картине объекта [17, р. 5]. Признавая, что в региональной географии нельзя добиться полноты и объективности [17, р. 5], Х. Дарби, тем не менее, обращает свое внимание к *переходу от просто описания к объяснительному описанию* [17, р. 6].

В этом проявляется "компромиссность" соотношения описания и характеристики, возможность их взаимопроникновения. Х. Дарби предлагает сместить акцент в географической характеристике в сторону *объяснения причин формирования современной картины места*. Таким образом, он объединяет упор на связи между элементами места, свойственный характеристике, с разделением общей картины места на систематические "полочки", в делении на которые производится объяснение, что соответствует уже описанию.

Соответственно своему подходу, Х. Дарби обращается в теории региональных описаний к теме введения фактора времени (позднее метко названного "четвертым измерением географии" [52]) и, соответственно, важности и главенствования историко-географического ингредиента в географической характеристике [17, р. 12].

Подобным образом поступает и Д. Уиттлси, говоря о современной географии как "многомерной", обязательно учитывающей временной фактор [61]. При этом, однако, именно Д. Уиттлси принадлежит концепция *компажа*, который представляет собой "интеллектуальную конструкцию, предназначенную для воссоздания образа региона на практике, <...> метод, позволяющий ограничиться при описании региона определенным числом региональных аспектов (характеристик), отобранных в соответствии со взглядом самого исследователя" [3, с. 55]. Компаж характеризуется как *субъективно-художественное* образование [3, с. 55]. При этом отмечается, что для изучения компажа

¹ Заметим, что подробный разбор аналогичных "поисков", правда, в значительно меньшем масштабе, представлен, например, нами в [4; 5].

² "В описании идут в определенном порядке от полочки к полочке, от номера к номеру, не отбирая признаков по важности, не заботясь о внутренней связи между отдельными связями между отдельными чертами хозяйства страны или района, не стараясь их объяснить, не сопоставляя их ни с особенностями природы и положения, ни с особенностями исторических судеб <...> Для характеристики отбираются важнейшие черты, отличающие данную страну от прочих; эти черты приводятся в определенную связь между собой, в определенную систему, из них выделяется ведущая, занимающая в этой системе центральное положение. <...> И в положении, и в природных условиях, и в исторических судьбах, равно как и в современном хозяйстве страны, берётся особенное, именно для нашей страны специфическое, выделяющее её из ряда других стран" [2, с. 166].

"более правильно будет произвести отбор среди явлений, подлежащих наблюдению" [9, с. 61]. Соответственно, и "вместо чёткого порядка расположения тем при описании компажей наиболее желательным вариантом представляется свободная компоновка материала, <...> <которая> определяется собранным при исследовании материалом" [9, с. 76].

Однако, пытаясь применить метод компажа на *практике*, сам Д. Уиттлис оставляет от "цельной тотальности разнообразных взаимосвязанных элементов региона" только разнообразие, которое систематически классифицируется по отделам географии в "лучших традициях" описаний - именно так построен пример описания Южной Родезии как компажа [62]. Отметим, что сам Д. Уиттлис отчасти признает эту неудачу [62, р. 97], на которую указывали и впоследствии [43, р. 3].

При всей "компромиссности" складывающейся в зарубежной географии к 1960-и гг. позиции в отношении дихотомии описания и характеристики, на известное разделение региональной и систематической географии [29, р. 408-459] накладывается понимание региональной географии как субъективной и синтетической [38], основной целью которой является "создание яркого, действенного "регионального портрета", для чего вовсе не требуются исчерпывающая полнота описаний и расположение информации в строгом, привычном порядке [3, с. 54].

Недаром Э. Джилберт говорит о современных ему (1960-е гг.) тенденциях перехода региональных географов от описания к характеристике. Важно, однако, отметить, *чем* объясняется этот переход: он происходит параллельно с переходом от изучения естественных (природных) регионов к измененным человеком [26, р. 160]. В этом смысле характерна апелляция Э. Джилберта к опыту Видаль-да-ла-Блаша, который отмечал *интегративную* роль человека в ландшафте: ибо именно человек *связывает* посредством своей деятельности те естественные элементы, который в самой природе были не связаны.

В результате Э. Джилберт, говоря о региональной географии, уже в 1960 г. провозглашает основные постулаты создания характеристики: "география есть искусство выявления, описания и интерпретации "личности" регио-

на" [26, р. 158], "региональный географ старается охватить все элементы <региона> как целое" [26, р. 167] и т.п.

Примечательно, что отвечая на "вызов" всё убыстряющегося развития мира в целом, англо-американские географы не склоняются к *проблемному подходу*, а, напротив, ратуют за ускоренную институционализацию *собственно региональной географии*.

Отмечая развитие широкого круга дисциплин в рамках близких географии систематических наук и региональной науки (regional science), говоря о форсированном развитии отраслевых ветвей внутри самой географии, Дж. Паттерсон делает вывод, противоположный тому, из которого исходило отечественное страноведение - он предлагает *отчленить* региональную географию от отраслевых ветвей географии и их задач: "В условиях развития географии в других направлениях - рост числа теоретических и количественных концепций, громадный прирост статистических ресурсов и инструментов для обработки данных - региональная география *должна* быть "освобождена". <...>. Региональные исследования могут быть сосредоточены собственно на своих задачах. Их старая информационная функция во многом перешла другим отраслям. <...> Теперь путь для региональных исследований открыт: более нет необходимости рассказывать всё о регионе" [43, р. 23].

На наш взгляд, именно такая реакция на условия внешней общественной и академической среды стала предпосылкой для *укоренения* и развития характеристики (а не описания) в зарубежной географии.

Остановимся на некоторых разработках Дж. Паттерсона [43] и Дж. Харта [28], чьи работы стали ключевыми в теории географических характеристик в англо-американской географии, стараясь не повторяться с постулатами, упомянутыми выше.

Так, Дж. Паттерсон обосновывает логическую невозможность создания *полной* региональной характеристики в словесной форме. Суть проблемы - в отмеченном еще Х. Дарби недостатке географа в сравнении с художником, который передает одномоментно всю картину, всё сочетание признаков: "Для такой <региональной> характеристики мы вынуждены использовать сочетания слов.

Объекты и группы объектов могут быть описаны только последовательно" [43, р. 5]. Именно путём решения этой проблемы Дж. Патерсон называет стремление признаков места в характеристике к доминанте – *интегративному фактору*.

Дж. Харт в своей статье "Высшая форма искусства географа" [28] упоминает практически все выявленные нами непереносимые атрибуты характеристики: "регионы – субъективные художественные конструкты, и они должны быть приспособлены под индивидуальных пользователей" [28, р. 21]; "не может быть универсальных правил распознавания, делимитации и описания регионов" [28, р. 21-22]; "выявление взаимосвязей между изначально разделенными феноменами есть самая суть хорошей региональной географии" [28, р. 22]; "описания распределения важных элементов места в простой последовательности может быть полезно в энциклопедии, но неудовлетворительно для географа, потому что оно не показывает, как эти элементы в своей взаимосвязи создают своеобразие в характере территории" [28, р. 22-23]; "хорошая региональная география должна начинаться и должна быть, вероятно, в целом организована вокруг доминантной темы каждого региона, которая, конечно, будет отличаться от региона к региону" [28, р. 23].

Дж. Харт отмечает необходимость познания систем ценностей, характерных для того или иного места, ибо именно на них основываются базовые паттерны поведения людей, его населяющих; особенно это касается "отношений между людьми и местом, причин той или иной активности людей в конкретных местах, которые часто являются исключительно личными" [28, р. 26]; "хорошая региональная география должна основываться на тонком чувстве понимания нужд, желаний и ценностей людей региона" [28, р. 29]. Дж. Харт также отмечает, что региональная география должна быть *интересной*, она должна завоевывать читателя, стремясь к коммуникации с ним; "региональные географы должны научиться верить тому, о чем свидетельствуют их данные вместо того, чтобы "подгонять" их под заранее подразумеваемую теорию" [28, р. 29].

Тем не менее, появляются и попытки характерного для исканий отечественного страноведения "*компромисса*" между двумя под-

ходами к комплексности. Тот же Дж. Харт всё же выделяет *три ключевые темы* региональной географии, называя таковыми 1) историко-географический анализ ("чувство времени"), 2) "игру масштабами", 3) значение природной среды. Из этих трёх тем только вторая не отсылает нас к конкретной "полочке" в аналитической структуре описания. Другого рода "сдвиг" в сторону аналитической структуры характеристики предлагает А. Джилберт, обращая внимание региональных географов на *социальные отношения и социальные структуры*. Она отмечает, что "фокус <регионального синтеза> специфичен. Синтез сводится к взаимодействию определенных социальных процессов, которые играют ведущую роль в создании региона" [25, р. 219]. Развивая идею "игры с масштабами", ставшую общим местом для географии, А. Джилберт рассматривает её в особом ключе: "преобладающей идеей в современной региональной географии является попытка "поймать" специфику мест путем изучения различий в социальных процессах, создающих пространственные дифференциации в зависимости от масштаба" [25, р. 219]. Такой подход, соответственно, развивается современной - прежде всего, марксистской - социальной географией на Западе.

Впрочем, А. Джилберт констатирует и развитие *культурно-географических* подходов, на перспективы которых указывал Дж. Харт: так, она выделяет особый подход к региону как фокус идентичности. В этом смысле культура представляется как "система взаимоотношений индивидов и социальных групп, создающая специфические наборы идей о природном мире, которые и становятся объектом региональной географии" [25, р. 211] (этот подход основывается на понимании пространства и места во французской традиции).

От текста к месту

Собственно культурно-географические подходы к региональным описаниям возникают, во многом, вследствие целого ряда разнонаправленных процессов как внутри самой культурной географии, так и в теории географии в целом. Герменевтические и гуманистические подходы 1970–1990-х гг. уже *нельзя однозначно отнести* ни к культурной географии,

ни к региональной географии (страноведению), ни к гуманистической географии – возникла "культурная/гуманистическая география" [21; 22; 23; 31; 48; 49].

Так, начиная с 1930–1940-х гг., география последовательно обращается к таким непростым темам, как особенности географического знания, роль воображения в географии [29; 34; 63]. Ключевая роль здесь, по нашему мнению, принадлежит К. Райту, предложившему еще в 1947 г. термин "геософия", которым он предлагал обозначать "исследования географического знания с любой точки зрения" [63, р. 12], апеллируя в том числе и к переосмыслению понимания чувства места Д. Уиттлси [61]. Д.В. Николаенко склоняется к опоре именно на эту тенденцию в объяснении становления гуманистической географии [6].

Второй процесс связан с трансформацией культурной географии. Развитие культурной географии в 1940–1980-е гг. было весьма заметным [27; 41; 42; 37; 64]; в результате поле культурной географии стало весьма широким и вместе с тем отчасти размытым. М.В. Рагулина считает инновационными для 1970-х гг. перцепционные и феноменологические исследования, концепции региональной идентичности, а потом – конструирование культурных районов и локалистские концепции [7, с. 8-9]. Это свидетельствует о том, что при сохранении интереса к территориям (культурным ландшафтам, ареалам, районам) методология культурной географии эволюционировала содержательно и идеологически, вырабатывая новые подходы, которые оказались продуктивными и с точки зрения создания культурно-географических характеристик территории.

Новая культурная география критикует подходы К. Зауэра и его школы к культурному ландшафту [51] за то, что они "фокусировали свои исследования на материальных артефактах, создавая любопытный и фундаментальный "объектный фетишизм" из домов, сараев, заборов и заправочных станций" [46, р. 3]. Для К. Зауэра ландшафт – это, действительно, прежде всего, "территория, характеризующаяся специфической взаимосвязью природных и культурных форм" [8, с. 60]. Представление ландшафта через осмысление, означивание, символизацию становится впоследствии ключевым элементом трансформации этого важнейшего понятия

культурной географии [12; 47; 50]. Л. Роунтри и М. Конки рассматривают культурный ландшафт как "информацию, сохраненную в символической форме, <...> которая отчасти функционирует как нарратив" [50, р. 461].

Таким образом, "символические качества" ландшафтов – те, что создают социальные значения – оказываются в фокусе исследований" [14, р. 96]. Такой подход видоизменяет не только собственно понимание культурного ландшафта, но и понимание *места* вообще – и открывает, во-первых, пути исследований "*конструирования места*", во-вторых, указывает на необходимость культурно-географических подходов к характеристикам территории, поскольку "ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека, могут исследоваться через множество источников <...> так же как и на земной поверхности" [16, р. 8].

В результате в культурной географии в рамках гуманистической традиции, а также и ряда других, относящихся к 1980–1990-м гг., возникает понимание "*ландшафта как текста*", который можно "*читать*", при этом в основе метафоры "ландшафт как текст" лежит понимание текста как совокупности знаков и значений [11; 19; 32; 45; 47; 48]. Таким образом, *характеристика территории становится важнейшим элементом теории культурной географии, отчасти подменяя собственно изначальный объект* [46; 48; 49; 58].

Наконец, возникновение гуманистической географии открывает принципиально новую страницу истории региональной культурной географии в связи с переосмыслением понятия места.

И-Фу Туан считает, что региональная география занимается "выявлением сути места и является искусством" [55, р. 272]. Р. Мюгерауэр отмечает, что в центре внимания герменевтической региональной географии лежит *интерпретация: "География есть всегда интерпретация данного нам мира"* [40, р. 64].

Интерпретативный подход герменевтики к месту вместе со становлением символической трактовки культурного ландшафта находит развитие в гуманистической географии в специфическом понимании *места* [см. 20]. Понятие места расширяется от визуального [57, р. 161], материального – к социальному, "очелоч-

веченному", семиологическому (знаковому): "Место – это <...> реальность, объясняемая и понимаемая с позиции людей, которые и наделили его значением" [54, р. 213]. "Пространство трансформируется в место как только получает определение и значение" [57, р. 136], – это, пожалуй, ключевая мысль И-Фу Туана: *место конструируется*. "Главный концепт здесь – это "значение", и, в самом деле, "место" может быть переосмыслено как нечто, пробуждающееся к существованию через человека и наделение им локальности значением" [30, р. 207-208]. Значит, *место конструируется человеком посредством означивания*: "Создать (to make) место значит окружить локальность человеческим значением" [30, р. 209].

Именно *этот постулат становится основой новой региональной культурной географии*.

От нарратива к палимпсесту

В рамках гуманистической парадигмы в географии были разработаны три концепции, которые, на наш взгляд, составляют *теоретическую основу региональной культурной географии*.

Так, в гуманистической географии сложилось специфическое представление о *типах описаний/характеристик*. Д. Джинс выделяет три вида: визуальное, техническое и гуманистическое. "Техническим описанием" Д. Джинс называет *описание* в строгом смысле, как у Н.Н. Баранского – это "полное географическое описание места, антология столь большого числа его аспектов, сколько удалось собрать" [30, р. 209]. По Д. Джинсу, оно может быть информативным для читателя, если качественно составлено.

Однако более интересным представляется разделение *характеристик* на визуальный и гуманистический типы. "Визуальное описание" просто дает, прежде всего, визуальный образ места, "разнообразие и цвет ландшафта" [30, р. 208]. "Визуальные описания" не требуют предварительного систематического изучения места, в них не заложено никакого объяснения [30, р. 208]. Значит, "визуальные описания" не получают одного важного компонента подлинной характеристики – внимания к *связям* между элементами места, по крайней мере, если эти связи не выражены визуально.

"Гуманистическое описание" отличается вниманием к тем самым *значениям*, которыми человек наделил место и, в терминологии гуманистической географии, "создал" его таким образом. Характеристика места строится *через* человеческий опыт и наделение его значением. "Гуманистическое описание" должно быть одновременно и *эстетическим*, и *интеллектуальным* [33].

Вторая концепция – *нарративно-описательный (narrative-descriptive) подход* [56]. В его основе – опять-таки понимание места как конструируемого. Ландшафт и место в лингвистическом и социолингвистическом подходах представляются как "текст", состоящий из социальных контекстов, и их изучение концентрируется в области власти языка, манипулирования значениями места и ландшафта властью.

Нарративно-описательный подход, предлагаемый И-Фу Туаном, стремится, используя лингвистические разработки, обратить концепт "место как текст" к географии и попутно "очистить" его от влияния теории. "Все нарративы и описания должны содержать в себе объяснительные и интерпретативные аспекты" [56, р. 686]. Нарративно-описательный подход нацелен на изучение того, как через человеческий опыт *возникает* "текст" места, как оно наполняется значениями; при этом в центре внимания не проявление в ландшафте тех или иных идей, концептов, а собственно сами места, сами материальные объекты (влияние феноменологии). С точки зрения понимания места как конструируемого людьми нарративно-описательный подход заостряет внимание на том, что это конструирование может происходить не только через экономические, социальные и другие материальные процессы, но и *посредством языка* – в литературе, через топонимику, через создание качественных географических характеристик.

Наконец, третья полезная для теории географических характеристик разработка гуманистической географии – достаточно поздняя, связанная уже с внедрением постмодернистских теорий – *метафора палимпсеста*. Палимпсест – это рукопись, написанная поверх смытого или соскобленного текста. В зарубежной географии, начиная с работ Д. Мейнига [36] *палимпсест – это метафора, представляющая ландшафт как совокупность элементов, имеющих различ-*

ное время возникновения и степень сохранности. Она отражает видение ландшафта как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох. Место представляется как "сочетание стертых, преувеличенных, аномальных и избыточных элементов" [15, р. 22]; как "интертекст", сочетание текстуральных наслоений [13].

Метафора палимпсеста "позволяет стереть и переписать существующие тексты, имея в виду не только различные исторические эпохи, но и разных исторических и современных акторов" [53, р. 662]. Однако, всё же, метафора палимпсеста используется как отражение истории ландшафта [35]. Наиболее красочно на практике это понимание палимпсеста демонстрирует А. Баглаевский: "...Гданьск <...> есть место-палимпсест перемешанных и затаённых цивилизационно-материальных культурных пластов, своеобразный сплав следов, фрагментов, элементов, которые можно "выгрести" изпод новоявленных напластований и которые можно читать на разных языках <...> Эти пласты только разом, а не каждый в отдельности, становятся "Гданьском" [1, с. 109–111].

Попытки повысить научный статус метафоры палимпсеста до уровня модели в зарубежной географии XX в. редки [39]. Попытка визуального представления палимпсеста осу-

ществлена Дж. Вервло [60], который отразил на ней такие историко-географические трансформации ландшафта: "Некоторые элементы ландшафта остались прежними, пережив все социально-экономические трансформации. Некоторые были забыты или разрушены новыми укладами. Некоторые были заменены другими. Другие сохранили свои физические черты, но изменили своё значение. Ландшафт, в результате, есть сочетание следов разных укладов, в которых можно распознать знаки ушедших исторических эпох" [Цит. по: 59, р. 119].

В конечном итоге, именно подход гуманистической географии к месту как конструируемому человеческими, общественными значениями, представление о месте как неком "напластовании" нарративов и интертекстов, дало "зелёный свет" географическим и уже негеографическим работам в области интерпретации пространства и места, которые в 2000-е гг. стали популярными как в российской "гуманитарной географии", так и на Западе, причём уже не только в географии, но и в целом ряде социально-гуманитарных наук, переживающих в настоящее время настоящий "пространственный поворот".

Литература

1. Баглаевский А. Місто. Палімпсест / Перекл. Г. Чопік // Ї. 1998. № 13. – С. 109-131.
2. Баранский Н.Н. О связи явлений в экономической географии // Избранные труды: Становление советской экономической географии / Редкол.: В. А. Анучин и др. – М.: Мысль, 1980. – С. 160-172.
3. Мироненко Н.С. Страноведение: Теория и методы. – М.: Аспект Пресс, 2001.
4. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.
5. Митин И.И. Методология и идеология комплексных географических характеристик // Региональные исследования. 2004. № 1(3). – С. 13-23.
6. Николаенко Д.В. Джон Райт и Карл Зауэр как основоположники гуманистической географии Запада. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1982. Деп. ВИНТИ № 5991-82.
7. Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004.
8. Словарь общегеографических терминов / Пер. с англ. В. Я. Барласа и др. Т. II. М.: Прогресс, 1976.
9. Уиттлси Д. Региональная концепция и региональный метод // Американская география. Современное состояние и перспективы / Сост. П. Джемс, К. Джонс; Авт. предисл. Н. Н. Баранский. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – С. 37-80.
10. Ackerman E.A. Geographic training, wartime research and immediate professional objectives // Annals of the Association of American Geographers. 1945. Vol. 35. No. 4. – P. 121-143.
11. Black I.S. (Re)reading architectural landscapes // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. London: Arnold Publishers, 2003. – P. 19-46.
12. Brace C. Landscape and identity // Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards. London: Arnold Publishers, 2003. – P. 121-140.

13. *Brockmeier J.* Texts and other symbolic spaces // *Mind, culture and activity*. 2001. Vol. 8. No. 3. – P. 215-230.
14. *Cosgrove D., Jackson P.* New directions in cultural geography // *Area*. 1987. Vol. 19. No. 2. – P. 95-101.
15. *Crang M.* Cultural geographies. L.: Routledge, 1998.
16. *Daniels S., Cosgrove D.* Introduction: The iconography of landscape // *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments* / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge: Cambridge Un-ty Press, 1988.– P. 1-10.
17. *Darby H.C.* The problem of geographical description // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1962. Vol. 30. – P. 1-14.
18. *Davis W.M.* The principles of geographical description // *Annals of the Association of American Geographers*. 1915. Vol. 5. – P. 61-105.
19. *Demeritt D.* The nature of metaphors in cultural geography and environmental history // *Progress in human geography*. 1994. Vol. 18. No. 2. – P. 163-185.
20. *Entrikin J.N.* The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Houndmills - L.: MacMillan Education Ltd., 1991.
21. *Entrikin J.N.* Place and region // *Progress in human geography*. 1994. Vol. 18. No. 2. – P. 227-233.
22. *Entrikin J.N.* Place and region 2 // *Progress in human geography*. 1996. Vol. 20. No. 2. – P. 215-221.
23. *Entrikin J.N.* Place and region 3 // *Progress in human geography*. 1997. Vol. 21. No. 2. – P. 263-268.
24. *Finch V.C.* Written structures for presenting the geography of regions // *Annals of the Association of American Geographers*. 1934. Vol. 24. No. 2. – P. 113-122.
25. *Gilbert A.* The new regional geography in English and French-speaking countries // *Progress in human geography*. 1988. Vol. 12. No. 2. – P. 208-228.
26. *Gilbert E.W.* The idea of the region // *Geography*. 1960. Vol. 45. No. 3. – P. 157-175.
27. *Gritzner C.F.* The scope of cultural geography // *Journal of geography*. 1966. Vol. 65. No. 1. – P. 4-11.
28. *Hart J.F.* The highest form of the geographer's art // *Annals of the Association of American Geographers*. 1982. Vol. 72. No. 1. – P. 1-29.
29. *Hartshorne R.* The nature of geography. A critical survey of current thought in the light of the past // *Annals of the Association of American Geographers*. 1939. Vol. 29. No. 3. P. 173-645.
30. *Jeans D.N.* Some literary examples of humanistic descriptions of place // *Australian geographer*. 1979. Vol. 14. No. 4. – P. 207-214.
31. *Laity A.L.* Perceiving regions as scattered objects // *Professional geographer*. 1984. Vol. 36. No. 3. – P. 282-295.
32. *Lewis P.F.* Axioms for reading the landscape. Some guides to the American scene // *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / Ed. by D. W. Meinig. New York - Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 11-32.
33. *Lewis P.* Beyond description // *Annals of the Association of American Geographers*. 1985. Vol. 75. No. 4. – P. 405-477.
34. *Lowenthal D.* Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. – P. 241-260.
35. *McManus P.* Writing the palimpsest, again; Rozelle Bay and the Sydney 2000 Olympic games // *Urban policy and research*. 2004. Vol. 22. No. 2. – P. 157-167.
36. *Meinig D.W.* Introduction // *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / Ed. by D. W. Meinig. New York - Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 1-7.
37. *Mikesell M.W.* Tradition and innovation in cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1978. Vol. 68. No. 1. – P. 1-16.
38. *Minshull R.M.* Regional geography: Theory and practice. L.: Hutchinson & Co., 1967.
39. *Mitin I.* Palimpsest // *SAGE Encyclopedia of Geography* / Ed. by B. Warf. Sage, 2010.
40. *Mügerauer R.* Concerning regional geography as a hermeneutical discipline // *Geographische Zeitschrift*. 1981. Jg. 69. Heft 1. – S. 57-67.
41. *Norton W.* Cultural analysis in geography: A course outline // *Journal of geography*. 1981. Vol. 80. No. 1. – P. 46-51.
42. *Norton W.* The meaning of culture in cultural geography: An appraisal // *Journal of geography*. 1984. Vol. 83. No. 4. – P. 145-148.
43. *Paterson J.H.* Writing regional geography: problems and progress in the Anglo-American realm // *Progress in geography*. 1974. Vol. 6. – P. 1-26.
44. *Platt R.S.* Items in the regional geography of Panama: With some comments on Some comments on contemporary geographic method // *Annals of the Association of American Geographers*. 1938. Vol. 28. No. 1. – P. 13-36.

45. *Pred A.* Place as historically contingent process: Structuration and the time-geography of becoming places // *Annals of the Association of American Geographers*. 1984. Vol. 74. No. 2. – P. 279-297.
46. *Price M., Lewis M.* The reinvention of cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1993. Vol. 83. No. 1. – P. 1-17.
47. *Robertson I., Richards P.* Introduction // *Studying Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson, P. Richards*. London: Arnold Publishers, 2003. – P. 1-18.
48. *Rowntree L. B.* Cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1986. Vol. 10. No. 4. – P. 580-586.
49. *Rowntree L.B.* Orthodoxy and new directions: cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1988. Vol. 12. No. 4. – P. 575-586.
50. *Rowntree L.B., Conkey M. W.* Symbolism and cultural landscape // *Annals of the Association of American Geographers*. 1980. Vol. 70. No. 4. – P. 459-474.
51. *Sauer C.O.* The morphology of landscape // *Publications in geography*. Berkeley: University of California, 1925. Vol. 2. No. 2. – P. 19-53.
52. *Sauer C.O.* The fourth dimension of geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1974. Vol. 64. No. 2. – P. 189-192.
53. *Schein R.H.* The place of landscape: A conceptual framework for interpreting an American scene // *Annals of the Association of American Geographers*. 1997. Vol. 87. No. 4. – P. 660-680.
54. *Tuan Ti-Fu.* Space and place: humanistic perspective // *Progress in geography*. 1974. Vol. 6. – P. 211-252.
55. *Tuan Yi-Fu.* Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. No. 2. – P. 266-276.
56. *Tuan Yi-Fu.* Language and the making of place: A narrative-descriptive approach // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. Vol. 81. No. 4. – P. 684-696.
57. *Tuan Yi-Fu.* Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis - L.: University of Minnesota Press, 2002.
58. *Tuan Yi-Fu.* Perceptual and cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93. No. 4. – P. 878-881.
59. *Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyury E. K.* Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th century // *Acta geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. No. 2. – P. 101-131.
60. *Vervloet J. A.* Inleiding tot de historische geografie van de Nederlandse cultuurlandschappen. Wageningen, 1986.
61. *Whittlesey D.* The horizon of geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1945. Vol. 35. No. 1. – P. 1-36.
62. *Whittlesey D.* Southern Rhodesia - An African compage // *Annals of the Association of American Geographers*. 1956. Vol. 46. No. 1. – P. 1-97.
63. *Wright J. K.* Terrae incognitae: The place of the imagination in geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1947. Vol. 37. No. 1. – P. 1-15.
64. *Zelinsky W.* The Cultural Geography of the United States. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1973.